

Понимает ли народ то, что говорит власть?

Е.Г. Дьякова, А.Д. Трахтенберг

Одним из важнейших условий эффективного функционирования любой власти является наличие единого дискурсивного пространства между властью и обществом, в том числе – существование механизмов перевода дискурса власти на язык массы. Иными словами, для того, чтобы быть эффективной, власть должна производить тексты, которые хотя бы отчасти понятны массам, а значит – владеть языком масс. Проблемы, с которыми регулярно сталкиваются российские реформаторы, во многом связаны с тем, что язык отечественной просвещенной бюрократии не понятен массам.

В течение 2000 года нам неоднократно приходилось проводить фокус-группы в самых разных регионах России, от самых депрессивных до относительно благополучных. Данные тезисы представляют собой попытку обобщить некоторые результаты наших исследований и описать тот язык, с помощью которого люди в действительности говорят и думают о современной российской власти.

Во-первых, можно говорить об удивительном однообразии этого языка. В самых разных точках России участники фокус-групп практически в одних и тех же выражениях определяют, что такое порядок и справедливость, в чем выражается долг государства по отношению к его гражданам и кто несет ответственность за сложившееся положение вещей. Так, можно почти со стопроцентной уверенностью гарантировать, что в ответ на вопрос модератора: «кто виноват в том, что в вашей области/городе/поселке/селе так плохо живется?», последует ответ: «рыба гниет с головы», а затем – разъяснение,

что все дело – в заворовавшихся чиновниках, начиная с самого верха и кончая губернатором / мэром / председателем сельсовета. Лишь в редчайших случаях ответственность за существующие проблемы возлагается и на простых людей, причем, обычно в формулировке эту ответственность максимально минимизирующей (напр., *«малейшая вина все равно лежит где-то и на нас с вами»* (Мы сознательно избегаем указаний на то, где именно проводились фокус-группы, в ходе которых было зафиксировано то или иное высказывание)).

Во-вторых, бросается в глаза глубочайшее отчуждение участников фокус-групп от властных структур. Для описания действий представителей власти используется особая синтаксическая конструкция, предполагающая употребление в роли сказуемого глагола в третьем лице множественного числа. В качестве подлежащего при этом выступает подразумеваемое, но не произносимое вслух местоимение «они», с помощью которого участники фокус-группы обозначают представителей всех властных структур, так что эти структуры выступают в их сознании как злонамеренная безличная сила, сплоченная принципами круговой поруки (напр., *«Коррупция идет от руководства. Сгруппировались и держатся. А кто для людей – его сжирают»*).

Следует подчеркнуть, что тенденция осмыслять происходящее в категориях «мы – они» не зависит от степени демократизма (или бюрократизма) самой власти. Так, С. Дэвис, анализируя общественное мнение в сталинскую эпоху, обнаружила, что, согласно сводкам НКВД, население мыслило в тех

же категориях. При этом «мы» описывались как беззащитные, невинные и детски простодушные труженики, а «они», т.е. представители власти – как нечестные и безнравственные дармоеды, чьи «отношения с народом были основаны на обмане, мошенничестве и оскорблениях («издевательстве»)» (Davies S. *Popular opinion of Stalin's Russia. Terror, Propaganda and Dissent.* Cambridge, 1997. P. 134.). Единственное изменение, по сравнению со сталинской эпохой, состоит в том, что в тридцатые-сороковые годы символом разложения власти и отрыва ее от масс являлся автомобиль, в то время как в настоящее время это «коттедж», что свидетельствует о значительном росте уровня жизни населения за последние шестьдесят лет.

Еще один важный момент - традиционализм того идеального образа власти, который имеется у участников фокус-групп. Приведем одну из множества формулировок, которая отличается от всех остальных только своей четкостью: *«Чтобы мы знали - у тебя за спиной есть государство, оно о тебе заботится. Ты ему даешь, оно тебе дает. А мы брошенные, и люди трудиться не хотят. У нас нет поддержки государства, откуда все! Из-за того, что государство бросило, люди стараются выжить и обманывают государство. У нас нет государства!»* Для участников фокус-групп государство выступает в виде высшей инстанции, которая каждому воздает по заслугам и в случае необходимости может защитить от произвола со стороны инстанций низших (чиновников на местах). Эта инстанция все расставляет по своим местам и обеспечивает в обществе баланс интересов. Ее самоустранение приводит к грубому нарушению такого баланса и разгулу эгоистических страстей, которые никто не в состоянии обуздать (в сущности, коррупция - это и есть проявление эгоизма, который возобладал над общегосударственным интересом).

Такая инстанция обязательно должна быть персонифицирована в виде человека, который не имеет личных интересов и не подвластен человеческим страстям (которому, иными словами, уже нет необходимости брать взятки). В традиционной системе эту функцию выполнял царь, время от времени «опалевший своим гневом» зарвавшихся бояр. В современных условиях данную функцию выполняет российский президент. Понятно, что подобная пирамидальная модель власти, где полномочия распространяются сверху вниз, не имеет ничего общего с идеалом представительной демократии, где полномочия, наоборот, распространяются снизу вверх. Очевидно и другое – что такая модель создает все условия для оправдания государственного террора по отношению к тем или иным группам населения. В ряде регионов мы зафиксировали именно ожидания репрессий, которые с приходом нового президента должны обрушиться на местное начальство. Особенно сильно эти ожидания были выражены на Дальнем Востоке, где они принимали форму откровенной ностальгии по сталинским временам (С. Дэвис, вслед за другими исследователями ревизионистской школы, показывает, как оппозиция «мы – они» работала на оправдание и поддержку Большого террора, который воспринимался как направленный «с самого верха» против начальства и в защиту простых людей. Она приводит весьма характерный пример: ленинградские рабочие очень опасались, что власти побоятся расстрелять Зиновьева и Каменева, так как это – хотя и бывшие, но «они». Власти, как известно, не побоялись).

В целом, возникает картина некоего идеального состояния общества, в котором руководители проявляют бескорыстную заботу о простом народе, а простые люди в ответ на эту заботу добросовестно трудятся на общее благо. Участники фокус-групп допускают определенные отклонения от этого

идеала по схеме, существовавшей в брежневские времена (руководители могут заботиться о людях не вполне бескорыстно, а простые люди - трудиться не совсем добросовестно). Однако ситуация, когда руководители целиком поглощены своими эгоистическими интересами, а добросовестный труд потерял всякий смысл, поскольку никак не вознаграждается со стороны государства, является в их глазах не просто недопустимой, но и абсурдной, и не оправдывается никакими ссылками на реформы и демократию. Не случайно, у

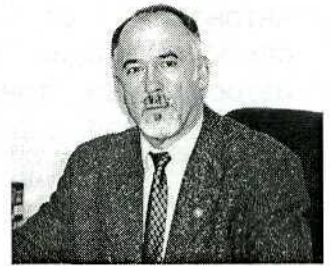
многих участников фокус-групп имеется ощущение, что все привычные им писанные и неписанные нормы перестали действовать (а точнее, стали действовать прямо противоположные им нормы).

Все вместе позволяет нам сделать вывод о необычайной устойчивости традиционного дискурса власти, корнями уходящего еще в допетровскую эпоху. В результате язык, на котором говорит с народом модернизированная российская элита, нуждается в переводе, чтобы стать понятным этому народу.

В.В. Китаев

Доклады и тезисы выступлений ▼
Властный дискурс
 российского общества:
 от демократии к сильному государству

А.В. Гайда

А.В. Гайда, В.В. Китаев

Во властном дискурсе российского общества становится явной тенденция отхода от прежней либерально-демократической тональности к мотивам сильной власти, сильного государства. В речи государственных деятелей и влиятельных политиков практически исчезли сюжеты приобщения к ценностям западной цивилизации, повсеместного распространения рыночных отношений, упования на всеильную самоорганизацию «невидимой руки» рынка, подзабылись и даже сюжеты правового государства. Либерально-демократическая риторика похоже уходит в прошлое, точно так же и предшественница — риторика эпохи перестройки с поисками консенсуса и демократических идеалов. Сегодня ключевые вопросы « повестки дня» - наведение порядка, построение и укрепление властно-политической вертикали, утверждение законности.

В свою очередь, новые мотивы речи власти оказываются вполне созвучными

массовым ожиданиям. На парламентских и президентских выборах «партия власти» оказывается практически вне конкуренции. Жесткий стиль крепнущей государственности приходится по душе настроениям и предпочтениям массовой аудитории. Заметно меняется и тональность властного дискурса региональных политических элит, в среде которых также идут процессы осознания смещения смысловых акцентов власти. Электоральные симпатии жителей регионов, властные импульсы центра побуждают региональные элиты к форсированному осознанию изменений в общей тональности властно-политического дискурса.

Можно отметить, что и в массовом сознании, и в профессиональной среде политиков и политологов эти изменения не остались незамеченными, они так или иначе позиционируются и интерпретируются. От суждений типа «новой метлы» с приходом во власть новой команды, от высказываний в духе